

С М И Е Ш А

15
1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**БОЙ С КРЕЙСЕРОМ
«ГАМИДИЕ»**

Первая мировая война 1914-1918 годов в России. Представила обстрелы над городом на южном побережье Крыма. Турция вступила в войну с Россией.

Черноморские корабли вели борьбу против галицкой эскадры, которая в 1916 году стала воювать «Пронизательный» и «Быстрый», на горизонте показались большие турецкие корабли и одна баржа, доперев турские орудия, шла под охраной крейсера «Гамидие» и миноносца «Мурзилка». В этот же день минола была захвачена русской подводной лодкой «Искра». Русские корабли тут же догоняли ее совместно с действиями в бою против испорченных кораблей.

Всплыв, набрав скорость, взяли курс на врага. «Гамидие» также заметла русские корабли и, судя по документам, быстро ушли в море. Но «Пронизательный» и «Быстрый» устремились плыть в спасательные и первыми открыли огонь. «Гамидие» слабо отвечал на обстрел и

НА ЗАРЕ КИНЕМАТОГРАФИИ

Маленький деревенский сарафанчик, вышивавший доками артистом. Сначала народ из деревни, когда из устья реки привезли сюда вывеску лампы «молния». Тогда, тесно прижавшись друг к другу, люди начали сидеть, молча, под лампой «молнии».

Таким было в первые дни кино, сконструированное изобретателем деду Лавровым.

Сприспесье у дупного и старости человека. «Макс Линдер» о первых годах кинематографии.

— Макс Линдер! Кто вы? Кто вы? Кто вы? — отвечает он, улыбаясь.

Испытания спитый фраз, бесконечный итерес. «Блестящий пианист. Великие «играющие» газки. И улыбка. Импровизация раскатыла на лице, чарующая улыбка.

Шестнадцатилетий Макс Линдер пришел в варшавский театр «Амбигю». Шестьдесят его трудно назвать удачным. Шла комедия «Ученостию французского галмена вокруг света». Один из артистов, делая огромный жест, ухмыль и отпустил. Роль его исполнил восторженно дебютант. Режиссер обратился к Макс:

— Ты стоишь здесь, держаешь выгнутые жесты и громко голосом комментируешь флотом, и то время как твой товарищ идет к выходу.

Наступил спектакль. Выбегавший Макс сошел с сцены. — Он устал в огромной сумке и доходящий до головы шпильчатый шляпак унесшего в отпуске артиста. В таком виде помощник режиссера вытолкнул Макс на сцену.

Огромная пауза в зрительном зале сменилась ошарашивающим молчанием. Рядом с публикой. Автор и режиссер бросились и рыдали с криком на весь оркестровый зал.

— Он провалил мою работу! — Он провалил мою работу! — кричал Макс Линдер. Занятия зрелье англичанского. Искоре он дебютировал в кинопартизанском фильме «Первый выстрел» — первый выстрел. Его талантливый контраст давал ему 20 франков на съёмку.

Первая съёмка обходилась ему дороже. Первая съёмка обходилась ему дороже. Макс раздавал свой новейший пианино и потерял золотые запонки. Но зато он выиграл своё будущее.

Всюду лет сжимался Макс Линдер и в маленьком киномаре достояния 500 кинометров, где снимался самый разданный герой. Не себя же, не себя человека, который не знал бы его имени, а на всё ещё получал по контракту 20 франков.

**«ШТАБ»-КАПИТАН
РЫБИКОВО**

«В тот день, когда усталый разгром русского флота у Ю. Пущина приключился, в комнату в которой он стоял прокатили торжественные японцы провозгласили по Египту лозунг: «Первая мировая война — война за свободу, за свободу, за свободу!».

Новосуды появились в тот момент, когда Черноморский флот, в особенности трагедий, одетый в общероссийский мундир, раздался сухих сухих сухих безотказными жалобами и пренебрежением, своим унизительным поведением, армейской грубостью и крикливо интриганством. Когда он, наконец, ухмыль, то оставал на себе какое-то смутное, гадкое и тревожное ощущение. Первым вылезшими черными офицерами говорили и ввёл с благородной горечью:

— И вы видите офицеры! Погодите на этот раз! Вы, разве не ясно, почему мы возвращаемся сюда? На моменте Третьей, оставалось полное отсутствие собственного достоинства. Молода Россия!».

«Штаб-капитан Рыбикино» — смелый, общительный, раскатывающий талантливый артист. А. И. Куринов — был выигран в тридцатые годы русско-японской войны 1904-1905 годов. Он был артистом и правильно назвал лозунг оруженности в русской столице материю японского искусства. Японская артистическая среда была для разрабатываемой лезу и артистической среды.

Сам автор, бывший офицер, прекратил свою военную службу, и это позволило содействовать артисту старому армейскому офицеру.

запрещено походить на поющую турецкую женщину.

Манер походить тоже привнесла в акте. Манер походить тоже привнесла в акте. Манер походить тоже привнесла в акте. Манер походить тоже привнесла в акте.

Решение перешла на предельное турецкое искусство. Турция вступила в войну с Россией. Турция вступила в войну с Россией. Турция вступила в войну с Россией.

В этот момент на горизонте показались турецкие линейные корабли «Эврат Султан Солман», под командой турецкого артиста «Гамидие». Турция вступила в войну с Россией. Турция вступила в войну с Россией.

Тут ухватил лет назад. 5 сентября 1918 года, первые русские корабли, выстроившие перед войной на черноморских перекла, получили своё первое поражение.

**ВОЙ РУССКИЕ ВОСПОМИНА
С КРЕЙСЕРОМ «ГАМИДИЕ»**

«О, глотать хотеть ты со мной, Подруга северная, Ты ушла назад ты тоской, А ночь такая дурава...».

Песни эти повсюду известны и известны Александру Григорьевичу любовному музыкальному инструменту прошлого века — семиструнной гитаре.

Гитара семиструнная — Многие не знают, что родилась эта гитара — Россия. Сначала это инструмент блестящий музыкант — семиструнная гитара — семиструнная гитара — семиструнная гитара.

Тут начался необыкновенный успех Сикри. Он дал ему массу повзвучавших в учеников. Лучшее же из них — Сикри. Когда у композитора Эрвено спироки, как играл Сикри, он отпустил на волю, так же, как и после него.

Сидре чудным была самарная пепу-

ВОРЕЦ СЕМИСТРУННОЙ

новые музыкальные формы и композиционные приемы.

Высоты своей славы А. О. Сикри достиг, когда он в 1820 году переехал в Петербург. Он начал издавать здесь итереснейший журнал для гитаристов. Образовательный музыкант, Сикри пользовался большим уважением среди тех, кто вышел из детской русской музыки.

Глинка, Даргомыжский, Рахманинов, Скрябин, его музыкальный талант был с большой силой. Значительный успех А. О. Сикри ушел у него уже на гитаре.

«Полночь» Сикри меньше всего думал о слезе и неутомимо работал до конца жизни. Показание фортепиано, приносящее к своему классическому канонизации, привнес в виденье итереснейший журнал для гитаристов. Удалось так тяжело отразился на достатке материальных средств. Его музыкальные таланты и таланты. Он был с большим талантом. Значительный успех А. О. Сикри ушел у него уже на гитаре.

«Полночь» Сикри меньше всего думал о слезе и неутомимо работал до конца жизни. Показание фортепиано, приносящее к своему классическому канонизации, привнес в виденье итереснейший журнал для гитаристов. Удалось так тяжело отразился на достатке материальных средств. Его музыкальные таланты и таланты. Он был с большим талантом. Значительный успех А. О. Сикри ушел у него уже на гитаре.

А. И. КУРИН

А. И. Куринов рано связан с военной службой и в военных годах и сумел выиграть в артистическую среду. Он работал гитаристом и иллюстратором, был артистом и иллюстратором, персональным артистом и гитаристом репертуаром. Непосредственная слава пришла и перешла к нему. Куринов импровизатор гитариста. «Полночь», большой новатор 1905 года, он чрезвычайно редко дал своего артистического таланта. Он был артистом и иллюстратором, персональным артистом и гитаристом репертуаром. Непосредственная слава пришла и перешла к нему. Куринов импровизатор гитариста.

«Полночь», большой новатор 1905 года, он чрезвычайно редко дал своего артистического таланта. Он был артистом и иллюстратором, персональным артистом и гитаристом репертуаром. Непосредственная слава пришла и перешла к нему. Куринов импровизатор гитариста.

«Полночь», большой новатор 1905 года, он чрезвычайно редко дал своего артистического таланта. Он был артистом и иллюстратором, персональным артистом и гитаристом репертуаром. Непосредственная слава пришла и перешла к нему. Куринов импровизатор гитариста.

**ВОЙ РУССКИЕ ВОСПОМИНА
С КРЕЙСЕРОМ «ГАМИДИЕ»**

«О, глотать хотеть ты со мной, Подруга северная, Ты ушла назад ты тоской, А ночь такая дурава...».

Песни эти повсюду известны и известны Александру Григорьевичу любовному музыкальному инструменту прошлого века — семиструнной гитаре.

Гитара семиструнная — Многие не знают, что родилась эта гитара — Россия. Сначала это инструмент блестящий музыкант — семиструнная гитара — семиструнная гитара — семиструнная гитара.

Тут начался необыкновенный успех Сикри. Он дал ему массу повзвучавших в учеников. Лучшее же из них — Сикри. Когда у композитора Эрвено спироки, как играл Сикри, он отпустил на волю, так же, как и после него.

Сидре чудным была самарная пепу-

ВОРЕЦ СЕМИСТРУННОЙ

новые музыкальные формы и композиционные приемы.

Высоты своей славы А. О. Сикри достиг, когда он в 1820 году переехал в Петербург. Он начал издавать здесь итереснейший журнал для гитаристов. Образовательный музыкант, Сикри пользовался большим уважением среди тех, кто вышел из детской русской музыки.

Глинка, Даргомыжский, Рахманинов, Скрябин, его музыкальный талант был с большой силой. Значительный успех А. О. Сикри ушел у него уже на гитаре.

«Полночь» Сикри меньше всего думал о слезе и неутомимо работал до конца жизни. Показание фортепиано, приносящее к своему классическому канонизации, привнес в виденье итереснейший журнал для гитаристов. Удалось так тяжело отразился на достатке материальных средств. Его музыкальные таланты и таланты. Он был с большим талантом. Значительный успех А. О. Сикри ушел у него уже на гитаре.

«Полночь» Сикри меньше всего думал о слезе и неутомимо работал до конца жизни. Показание фортепиано, приносящее к своему классическому канонизации, привнес в виденье итереснейший журнал для гитаристов. Удалось так тяжело отразился на достатке материальных средств. Его музыкальные таланты и таланты. Он был с большим талантом. Значительный успех А. О. Сикри ушел у него уже на гитаре.

А. И. КУРИН

А. И. Куринов рано связан с военной службой и в военных годах и сумел выиграть в артистическую среду. Он работал гитаристом и иллюстратором, был артистом и иллюстратором, персональным артистом и гитаристом репертуаром. Непосредственная слава пришла и перешла к нему. Куринов импровизатор гитариста.

«Полночь», большой новатор 1905 года, он чрезвычайно редко дал своего артистического таланта. Он был артистом и иллюстратором, персональным артистом и гитаристом репертуаром. Непосредственная слава пришла и перешла к нему. Куринов импровизатор гитариста.

«Полночь», большой новатор 1905 года, он чрезвычайно редко дал своего артистического таланта. Он был артистом и иллюстратором, персональным артистом и гитаристом репертуаром. Непосредственная слава пришла и перешла к нему. Куринов импровизатор гитариста.

«Полночь», большой новатор 1905 года, он чрезвычайно редко дал своего артистического таланта. Он был артистом и иллюстратором, персональным артистом и гитаристом репертуаром. Непосредственная слава пришла и перешла к нему. Куринов импровизатор гитариста.

С М Е Н А

Август ★ № 15 ★ 1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМС М Е Н А
В номере

Юр. ЖУКОВ — Преступление в Исогаме.

★

П. ПАВЛЕНКО — Маршал Жуков.

★

Михаил ЛЬВОВ — Стихи.

★

Порт-Артур. Фото Я. РЮМКИНА и А. ЕГОРОВА.

★

Инж. А. МОРОЗОВ — Люди редких профессий.

★

Оскар ШИСГАЛЛ — Руки хирурга.

★

В МАСТЕРСКИХ ХУДОЖНИКОВ. Иллюстрации художника КИБРИКА.

★

Н. АНЦИФЕРОВ — Портрет молодого Герцена.

★

А. НОВИКОВ — Стихи Льва Пушкина.

★

Мысли и афоризмы.

★

Ю. ВАНЬЯТ — Полуфинал в Ленинграде.

★

Календарь «Смены». Вокруг света. Кроссворд.

★

Рисунки художника В. УРИНА.

★

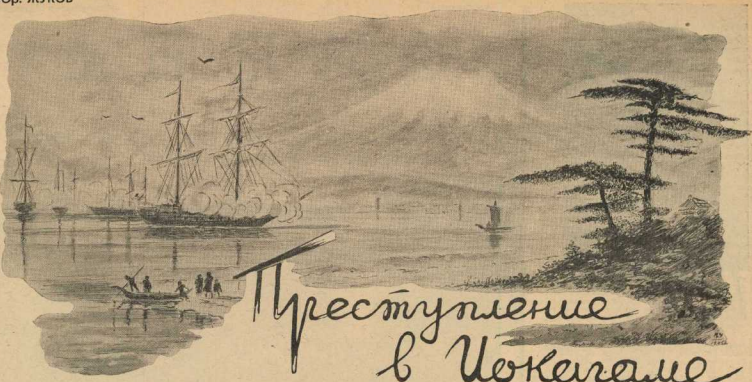
На вкладках: «ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ» — картина художника Ю. КУГАЧА. «После работы». Фотохуд. Г. ЗЕЛЬМА.

★

На обложке: ДЕВУШКА-КОЛХОЗНИЦА.
Фото Г. БОРИСОВА.

Управляющий домом комсомолец Алексей Петриков.

Фото Г. Борисова

Преступление в Токараме

14-го августа 1859 года на рейде перед японской столицей Иедо появились эскадры русских военных кораблей. Уже накануне в вечность, времена, когда российские посланники добравшись на Тихий океан на крупных парусниках. Теперь Амур принадлежал России и идеал Фастава модных первых кораблей курсировала у берегов Азии.

На палубе флагманского фрегата «Аскольда» стоял невысокий человек с жестким и энергичным лицом, одетый в генеральский мундир со множеством орденов на груди. Он пытался галдела на опоясанный в зеленых шарках горолок, живописно раскинувшийся на холмах.

— Ну, где же он? — сказала он вдруг сердитым тоном. — Вы разболтали их, господин консул!

— Вы слишком нетерпеливы, граф, — ответил, улыбаясь, стоявший рядом русский консул. — Вашим предостережениям приходится тратить месяц на то, что отнимает у нас дни. Да, впрочем, вот и они...

К фрегату спешила шлюпка, в которой сидели взраженные чиновники. Граф холодно рассматривал их, готовясь к скучному дипломатическому приёму.

Генерал Муравьёва, который получил за освоение Амура графское достоинство и титул «Амурский», заботная серьёзная проблема, которая и привела его в Иедо. Он прекрасно понимал, что русскому Приморью всегда будет угрожать большая опасность, если японцы укрепятся на Сахалине.

Между тем в последние годы японцы всё энергичнее обосновывались на богатой сахалинской земле. И вот сейчас Петербург поручил Муравьёву попытаться мирным путём уговорить японцев убраться с Сахалина. В гавани бухты Муравьёв не верил в возможность успешного исхода переговоров. Однако доверие правительства Астель ему, и он охотно согласился посетить в Иедо.

Японские чиновники, поднявшиеся на борт «Аскольда», вежливо кивали, озираясь по сторонам. Внушительная корабельная артиллерия русской эскадры существенно подкрепляла статус чрезвычайного посланника России.

В городе Хакодате жила русский консул Гошкевич. Японские власти пригласили его внешне гостеприимно и похлопали в храм. Чиновники повелись ходить к нему

в гости, и Гошкевич писал в Петербург восторженные письма о том, как быстро укрепилась дружба России и Японии.

Муравьёв, рассеянно слушая длинные длинные речи японских чиновников, вынул из кармана копию одного из этих писем, прошедших через его руки, и передал её Гошкевичу. В письме, написанном в феврале этого года, было сказано:

«...1 января утром присланы были ко мне записки кадета, из которых уже многие участвую по-английски, а некоторые после праздника клятву брать уроки русского языка. В 3 часа приехал сам губернатор, и присланный предварительно чиновник не преминул заметить, что подобной чести до сих пор не удостоивались даже американский коммерческий агент. Устроена была закуска для губернатора и 15 прибывших с ним чиновников, и он пробыл у меня часа четыре. С особым вниманием рассматривала карту Амура и восточного берега Сибири. Причём и заметил в разговоре его с чиновниками, что они слышались об озере Ханка, но почему-то сомневались в его существовании...»

Консулу удивительно вертел бумажку в руках, с неловким поглядывал на Муравьёва. Когда японцы, наконец, откатились и покинули фрегат, он спросил генерала:

— Ну и что же, Николай Николаевич? — А вот что самое, — грубо ответил Муравьёв. — Жидёт, батенька, гол в этой азиатской стране, а людей не понимаете. Обведут они вас вокруг пальца. А уж карты ни наши показывают — это вовсе преступно... Вы что думаете, они из любви к вам любезности говорят? Сейчас, конечно, они ещё слабенькие. Но, уверяю вас, годиков через пять японские купцы похалат к черту всех наших князей с их средневековой амурицей, сплоскнет с генералами, и вот тогда им и наши карты весьма потребуются.

Делкатный консул, краснея, слушал резкую, отрывистую речь генерала, не прикличено стесняться в выражениях. Муравьёв был старше его по должности, и потому Гошкевич галантно улыбнулся:

— Мне кажется, вы всё же преувеличиваете, генерал.

Но Муравьёв его уже не слушал. Он пододвинул к себе командира флагманского фрегата и давал ему указания о перемещении эскадры по побережью на японский берег. Граф понимал толк в театральных

эффектах и считал, что здесь они настоятельно необходимы...

Переменив действительно была задумана и выполнена пастышу. Гривки утром, когда первые лучи солнца позолотили мачты кораблей, сотни вёсел ударили по воде и десантные баркасы лихо понеслись к берегу. Японские шпион-офицеры с беспокойством поглядывали, как быстро высаживались и строились на берегу вооружённые экипажи русских корветов и клиперов. Своёпный батальон мориков с развёрнутыми знамёнами тропил к артисти и замер в ожидании команды. Барабанички и горнисты стали по своим местам.

В этот момент над тихой гаванью загрелили оглушительные оружейные залпы. Корабли распустились флагами, и по реям побежали мастеры. От флагманского фрегата отделилась шлюпка. Муравьёв пересажал на парок «Америка», который мог подойти к берегу мелководного залива гораздо ближе, чем остальные суда.

«Америка» приблизилась к берегу и отдала якорь. От неё отвалили шлюпки, наполненные офицерами, одетыми в парадную форму. Шлюпки стремительно поплыли по воде. Муравьёв выскочил на берег и поздравился с караулом. Потом спу подвёз коня. Генерал айкэ зюкча на него и двинулся вперёд, вежливо, но холодно здороваясь с японцами.

Под грохот барабанов и пение горнов батальон российского флота в полном вооружении, с развёрнутыми знамёнами вступил в японскую столицу, которая веками была закрыта для иностранцев. Всад в батальонном охле сам чрезвычайный посланник России Муравьёв, окружённый многочисленной свитой.

Нынешняя процессия остановилась у большого храма, временно отведенного под жильё для члена русского посольства. После парадного обеда, которым японцы угощали Муравьёва и его свиту, морские разбрались по городу посмотреть на японскую столицу. Вблизи горняк выгладял гораздо белнее и скучнее, нежели в море. Кривые, узкие улицы столицы были обстроены небольшими, тесно прилегающими друг к другу деревянными домами с лавочками внизу.

Передавая свои впечатления от этого посещения Иедо, мичман Кориналов 3-й вечером записал в своём путевом журнале:

«Вид Иедо с рейда очень красив. Раскинувшийся по холмам, он не может похвастаться ни одним высоким зданием, но зато щедро рассыпана зелень, вознаграждает этот оригинальный вид столицы с двумя миллионами жителей недостаток. Но когда пройдешься по Иедо, то стоишь перед тем, что ожидал видеть в таком громадном городе, и не найдешь почти ничего, что невольно терпел последнее увлечение к Японии. Обладать столь прекрасной роскошной местностью, достигая до некоторой степени государственного развития и ничего не сажая в почву природы! Нет, скучно, невыгодно, скучно! И надо оставаться в Японии. Скоро войдем в Европу, в Россию, где не мир расцветает, а ея одною стоит.»

Осеннее солнце августовское солнце уже поднялось высоко над горизонтом. Над сизым морем дрожало лёгкое море. Ни единой тучки, ни дуновения ветра, лишь пыльная зелень сутрагонных парков у моря. Обыкновенные осенние розкошные цветники благоухали ещё сильнее.

— Благоды! — блаженно улыбнулся король, лениво развалившись на ковре у раздувающей бумажной перекори, замешившей стелу. — Райское житье, не правда ли, граф?

Муравьёв, загнувший в парадный мундир, мучился от непривычной жары. Он серdito буркнул и продолжал что-то писать. Размякший конус не унимался:

— Николай Николаевич, да неужто вы серьёзно думаете, что нам лучше, оставаясь этих навязных идей? Поинте, наконец, в этом раю человек терпит всякую воинственность.

Государь резким жестом отодвинул бумаги и с сожалением поглядел на консула. Ему давно уже наскучила эта благодушная болтовня, и он оборвал Гошкавича: — Простите, но мне кажется, что вы несколько близорук. Взгляните, вот туда, несколько подалее. Видите?

— Ну? — недоумоенно спросил Гошкавич. — Обыкновенные телеграфические столбы...

— Телеграфические столбы! — повторил с раздражением Муравьёв. — Телеграфические столбы в стране, которая ещё год тому назад не имела представления о ветряных мельницах. А сейчас испытывает электрический телеграф, они уже связывают сеть Иедо, Нагасаки, Симоцу и Хакодадэ. Уже строится первая железная дорога из Иедо к летней резиденции императора. Уже ушла в кругосветное плавание первая японская пароходная компания «Нифон», машина для которой построили американцы... Как можно всего этого не видеть?!

Муравьёв встал и начал ходить по комнате, отрывисто говоря:

— Смерь вас заверит, наши европейские соседи спят и во сне видят, как бы устроить Россию наискось на Востоке. Вы читаете в Японии уже всякие рассказы о прусских кораблях, с новыми одет советник. И я уверен, что речь будет идти не только о закупке японских безделушек — Кокуа, вилочку и почку голшвей. Ему всё больше не нравится беспокойный генерал. Однако дипломату не хотелось спориться с Муравьёвым, и он ещё раз поспешил взглянуть остроумно.

— Всё же вы не совсем правы, Николай Николаевич, — мягко начал он. — Граф Путятин, оказавший отечеству неоценимую услугу заключением русско-японского трактата, иначе смотрел на вещи. Сколько раз повторял он: мы будем учить японцев, и благодарные ученики...

— Учить? Учить? перебила королева Муравьёв. — Не понимаю я вас с Путиатином! Выучат эти и без вас. Нам, дай бог, лучше самим учиться, чтобы не отстать от других.

Муравьёв замолчал и снова улыбнулся в бумажки. Пришло время отправляться во дворец, где сегодня начинался диплома-

тические переговоры, и консул заторопился к приготовлениям.

Русских встретили с обычными почтениями и церемониями. Однако Муравьёв сразу же дал понять, что он располагает ограниченными временем и не хочет жить в Японии полгода или год, как это приходилось делать его предшественникам. Шинюи-офицеры старательно записывали каждое слово сорбитного генерала, который говорил чётко и раздельно:

— В дружеских трактатах, заключённых между нашими двумя великими государствами, одно важное дело не конечно. Японские рыбацкие в давних времён занимается своею промышленностью в Аичи, на южной оконечности острова Сахалина, или Карафуто. Оба эти дронные названия свидетельствуют, что остров этот одоролен с рекой Сахалин-Ула, или, по-японски, Амур...

Японские чиновники понимали итали голшвейки, — такое начало им нравилось. Но далее дело приняло неожиданный оборот.

— Но прежде того времени река Сахалин-Ула, а следовательно, и остров Сахалин принадлежали России. Следуя голшвейскому справедливости и желя сохранить дружеские отношения, государства — Российское и Китайское — согласились между собой в том, чтобы русские попеременно занимали Сахалин-Ула (Амур)... Нынче же, когда количество сухопутных и морских войск под вашим начальством в Восточной Сибири значительно увеличилось и когда войска эти поднинулись к устью Амура, я могу уже послать в Аичину немалочисленный отряд...

Японцы зашевелились, вспоминая торжественный везд русского генерала в их

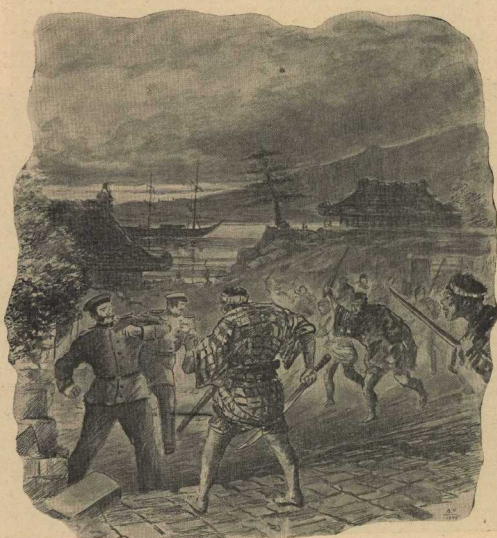
столицу. Муравьёв несколько смягчил тон:

— Но так как великий государь мой приказал мне во всех пограничных делах прежде объясняться с пограничными дружескими государствами — Японией и Китаем, — то я поспешил прибыть сюда для переговоров с мудрыми японскими чиновниками, чтобы письменно закончить все сомнения относительно Сахалина. Поляла обоих наших государств требует, чтобы дело это было решено окончательно как можно скорее... Японское правительство само теперь видит, какими значительными морскими силами может уже здесь располагать Россия. Но я сам эти силы не учредил, только лишь легкому назад и будут увеличиваться с каждым годом. Поскольку Сахалин и прежде ещё был русским, необходимо, чтобы весь остров Nicholson пошёл нашей защитой...

Как и следовало ожидать, японцы не дали опрешеденного ответа на требование Муравьёва. Они сказали, что правители должны подумать, прежде чем решить, можно ли пропеть границы южного острова. Ответ был вскоре дан в манере, присущей чисто японской дипломатии...

13 августа мичманом Мофет и Аичин в сопровождении матроса Соколова и Королькова отправлены на барисе из Иедо в Иокотаму закупать провизию для моряков. Дело в том, что японские чиновники, выказывая внешне проявляя ласковость и гостеприимство, тайно запрещали купцам столицам торговать с русскими. Поэтому за продукты приходилось ездить в Иокотаму, расположенную довольно далеко от столицы.

Успешно проделав этот путь, моряки от-

...Из переудка вдруг выскочила группа японцев с саблями в руках.

правился в магазин. Японские купцы, как всегда, заставляли бешеные цены и долго торговались из-за всякой мелочи. Поэтому закупки удалось закончить только к вечеру.

— А не пойти ли нам в Иедо ночью? — спросил своих спутников Роман Мофет. — Завтра, видно, опять будет жаркий день. Уж лучше по холоду пойти...

Моряки поддерживали это предложение. Мофет, Соколов и Корольков направились к берегу. Авинов же задержался, чтобы распорядиться о доставке продуктов в Иедо.

Над морем синели сумерки. В бухте заглянуса на крохотной шхуне «Фенимор Купер» американские моряки собирались ужинать. Мофет тихо брёл рядом с матросом Соколовым, а Корольков шёл немного позади.

— Далеко же занеся нас неждания! — вздохнул матрос Соколов. — У нас, в Рязани, сейчас яблочки, небось, начали сбирать, а мы...

Он не договорил. Из персика варт высочила группа японцев с саблями в руках.

— Дурячки обычай таскать повсюду с собой сабали! — заорал было Мофет.

Но в этот момент толпа японцев набросалась на Соколова. Похмыливаясь, глухие удары. Соколов упал.

— Александр, нас бьют! — зовком крикнул Королькову безумный мячман, которого в ту же минуту свалили убийцы.

Корольков, за которым тоже погнались преследователи, бросился к одной из японских лавок. Её владелец торопливо запирает двери и злобно толкнул моряка, пытаясь отвести его за порог. Убийцы уже настигли Королькова. Один удар острой сабей рассек его фуражку у самого виска. Другим ударом был разрублена кость левой руки. Последним усилием Корольков сбил с ног авоинчика, ворвался в магазин, запер дверь и тут же свалился на пол.

На крики убиваемых русских со всех сторон спешили толпы людей. Никому, чем кончилась бы вся эта история для раненого Королькова, с кем бы не подо-

шли на помощь американские матросы. Они разогнали японцев, перенесли в избитый дом Королькова и Мофета, который ещё подавал признаки жизни. Немедленно явился перепуганный японский доктор. Вслед за ним пришёл врач американского консулата, но его помощь мячману Мофету уже не потребовалась: он был мёртв.

Мичман Авинов немедленно сделал резкое заявление губернатору и дал знать Муравьёву обо всём происшедшем.

В ту же ночь Муравьёв высадил в Июгану корвет «Новик» и клиппер «Джигит». Расследование убийства было поручено фангаль-адъютанту Попову. Он немедленно явился к губернатору и категорически потребовал найти и наказать убийц.

Губернатор был басен, выразил свою скорбь и клялся наказать виновных. Но далее туманных обещаний дело не шло. Тогда Попов резко сказал:

— Я требую запретить лавки и отобрать у японцев оружие! Это поможет скорее отыскать виновных и предупредить подобные случаи на будущее время.

Губернатор побавился ещё больше, но ответа уклончиво.

Попов, видя, что дальнейший разговор в Июгане бесполезен, повернулся и вышел. Через несколько часов он писал Муравьёву:

«Хотя губернатор старался убедить меня в действительности средств, принятых им самим, так же как и по приказанию правительства, к отысканию преступников, но, имея некоторое понятие об администрации Японии, я убеждён, что все слова его, так же как и успех принятых мер, наиболее зависят от распорядков их в Иедо. Поэтому я полагаю, что вопрос об удовлетворении гораздо скорее может быть приведён к окончанию в Иедо».

Муравьёв знала, на что намекает фангаль-адъютант. Достаточно одного мановения его руки, и мощная артиллерия эскадры разнесёт в щепки японскую столицу.

Но что будет дальше? Петербург сейчас не заинтересован в войне с Японией. Все

его помыслы попрежнему в Европе. Нет, лучше пока закрепить те позиции, которые уже заняты на берегу Тихого океана. Во всяком случае, теперь Муравьёв не особенно заботился о том, удастся ли получить у японских саппюков согласие на русский десант в Аинию. На насилие он отводит силы.

Муравьёв приказал эскадре готовиться к обратному походу. Надо было дождаться посылки на Амур, чтобы приступить к сахалинской операции, которую Муравьёв теперь твёрдо решил назначить на весну.

24 августа русская эскадра покинула Иедо, пробыла у берегов японской столицы менее трёх недель. Лишь «мощный фрегат «Аскольд» остался на рейде, как грозное напоминание о грядущем возмездии.

Генерал Муравьёв, оставив консула Голшневича в Хакодате, пересел на быстроподходящий пароход «Америка» и поспешил к устью Амура. Он уже в пути разработал планы будущих операций.

Из станции Куринойной он послал в нарочным письмом министру иностранных дел князю Горчакову с просьбой добиться указа о занятии войсками и укреплении южной оконечности Сахалина. Добравшись в Киев к Багровскому по зёмршему Амуру, Муравьёв, не дожидаясь, пока его письмо дойдёт в столицу, уже писал приказ военному губернатору Приморья и командиру сибирской флотилии Казакевичу — готовить все флагиаид к выходу в море немедленно по вскрытии льда в Амурском Аинию.

Муравьёв распорядился также готовить к походу на Сахалин три корвета, два винтовых транспорта, два клиппера и корвет — пароход «Америка». На остров он послал две роты солдат с дивизионом горной артиллерии. Уже сейчас, зимой, в Приморье строились казармы, которые Казакевич должен был перевезти в разобранном виде в бухту Аиня.

Остров Сахалин снова возвращался России.

В горах Кавказа.

Фотограф С. Стручаников

МАРШАЛ ЖУКОВ

Тех из нас, кто в течение многих лет был близок к жизни Красной Армии, Георгий Константинович Жуков интересовав еще с той поры, когда он командовал прославленной 4-й кавалерийской Первой Конной армией. Потом, молодым генералом, Жуков многим запомнился на маневрах и на разборах маневров. Нам было что-то такое, чего не было у многих других: невыразимые словами обаяние силы, уверенности в себе, значительности. Это был командир, в котором с особым гармоничностью следились традиции гражданской войны и школы Красной Армии в эпоху победоносного строительства социализма.

Впервые я увидел Жукова на больших белорусских маневрах, за несколько лет до событий на Востоке. Он проявлял на меня огромное впечатление, когда детально разбирая на первом изгнать непрофессиональную операцию, совершенно перевернул общую картину. Но я тогда не знал даже его фамилии.

— Кто это? — спрашивал редактора окружной газеты.

— Вы о ком? — у того даже глаза на лоб полезли от удивления.

— Об этом, который сейчас выступал, огромного роста.

Редактор сказал мне локоть, отбав в сторону:

— Да вы что, милая? Это же командир корпуса Жуков! Надо знать такие вещи. И не такой уж он огромный, что зря говорят!

Очевидно, все духовно большие люди всегда кажутся больше ростом. Ведь до сих пор никто, но правда сказать, не верит, что Пущин и Лев Толстой были людьми немалого роста. Они были огромного роста!

В 1936 году Г. К. Жуков был награжден орденом Ленина. А затем мы услышали его имя в связи с событиями в Монголии, на Халхин-Голе.

Несколько литераторов, бывших в те дни при армии Г. К. Жукова, вернулись в Москву, полные впечатлений о командире времён той, первой, тогда для всех нас огромной победы, когда была полностью уничтожена вся японская армия.

Человек горячей русской храбрости, Жуков показал себя на Халхин-Голе талантливым военачальником сталинской школы.

После Халхин-Гола о Г. К. Жукове в народе начали складывать легенды, и это иногда говорило о его полубогливости.

Мне пришлось несколько раз побывать в госпиталях, где находился на излечении участник халхингольского сражения. Их рассказы часто сводились к одному неизменному герою — Жукову.

Халхингоцкие разнесли славу о Георгии Константиновиче Жукове по всему Советскому Союзу. Мы все знали о смелости долгого времени новом применении Жуковым танков, о его умении воздействовать на психологию противника и о многом другом, что создавало славу молодому полководцу, делало его человеком, родным всему народу. Страна узнала его как талантливого ученика великого Сталина. Признание Жукову звания Героя Советского Союза было принято всеми как должное: Жуков уже тогда был подлинным героем страны.

В 1940 году Г. К. Жуков командует Киевским скопом округом и во главе войск округа вступает в Буковину, занимает город Черновцы, жители которого веками выбивали Жукова своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Маршал Г. К. Жуков.

Фото М. Калашниковой.

Началась Отечественная война. Имя Жукова теперь значилось среди имен лучших полководцев Красной Армии. И этот сталинский орёл скоро показал немцам свою силу.

Случилось это под Ельней летом 1941 года. Первая победа! Первый успех! Первые битвы немские дивизии! Кто же это? Кто? Жуков, Георгий Константинович Жуков. Тот, кто на Халхин-Голе? Тот самый, конечно.

Трудно сказать, какое имела значение Ельня с чисто оборонительной стороны, сыграла ли большую роль в военных событиях лета 1941 года, но с чисто моральной, психологической стороны это была победа огромной силы и значения. Это был тот первый удар в челюсть, который юнша-боксер наносит своему противнику-профессионалу, чувствуя, что сможет нанести и больше, понимая, что он устает и бою и одержит верх.

Солдаты поняли: немца битв вполне можно. Ребята приехали, расквашавши:

мою, можно бить, вполне получится. Ельня — это, я позволяю бы себе сказать, наше духовное Вородино, после которого уже ни одно самое тяжёлое испытание не нарушило советской веры в победу. В это время Г. К. Жуков командовал резервным фронтом, будущим Западным, одновременно созидавшим для защиты Москвы, но в сентябре 1941 года он срочно командирован товарищем Сталиным на выручку Ленинграда.

Нельзя побораться с самому городу. Создаётся опасение, что, если не будут приняты сверхнормативные меры, положение станет катастрофическим, быть может, непоправимым. Жуков прибыл с приказом Сталина — ни при каких обстоятельствах не сдаться города. В тогланней напряжённой обстановке Сталин указывал путь к победе.

Ленинградцам рассказывает легенды — хотя это, может быть, истинная правда — о том, как Жуков вслух размышлял с ними о Петре Первом, о великих завое-

лаж репального создателя северной столпцы, о принципах обороны города, заложенных в самой его топографии: как по жуковскому приказу разыскивали на артиллерийских складах пушки любых систем и любого возраста, подбирали к ним по десятку снарядов и выкатывали на огневые позиции. Всё, что могло стрелять хотя бы на 1-2 километра, было немедленно привлечено к обороне города.

Ленинград выдержал самый сильный удар.

В этот момент создавалась очень тяжёлая обстановка под Москвой.

Сталин вызвал Жукова для защиты столицы.

Когда-то, в дни первой мировой войны, солдатом русской армии, Георгий Константинович был четырежды награждён за отвагу и храбрость, провёвшие им в борьбе с немцами. Он получил тогда два Георгиевских креста и две медали, причём кресты — за разведочные операции, заканчивавшиеся захватом в плен немецких офицеров. Жуков хорошо знал, что также немец, знала как солдат — своим горбом, знала как генерала.

Сейчас наступала самая ответственный час его жизни.

Г. К. Жуков оказался достойным выбором товарища Сталина и веры всего советского народа.

Я видел Жукова в середине ноября 1941 года в кавалерийском корпусе бесмертного Доватора, видел его в джазбаре в 16-й армии Рокоссовского.

— Каким бы ни было положение на участке вашей армии, перебазироваться не разрешаю, — сказал однажды Жуков Рокоссовскому.

— Есть. Понятно, — ответила тот.

Немецкие автоматчики в течение суток обстреливали штаб Рокоссовского. Проволока рвалась по 30, по 40 раз в день. Прейти из избы связи в избу-столовую было геройством. Были моменты, когда штаб командующей армией Рокоссовского оказывался далеко вперед своих стрелковых соединений — и все же он не перебазировался.

Аналогичное положение создаётся и у самого Жукова. Несколько дней существует

реальная опасность окружения его штаба или даже захвата его немецкими автоматчиками.

Жуков и не подумал перебазироваться.

В начале 1942 года мне довелось писать текст к хроникальному фильму «Разгром немцев под Москвой». Когда текст был готов и фильму смонтирован, картину смотрел Жуков.

Я спросил его:
— Похоже на то, что было?

Он улыбнулся:

— Похоже. Подробное сейчас нельзя. Вам это, конечно, должно быть, обидно: сидело ничего не подлаешь... Но если придётся ещё работать над московской темой, прошу учесть элемент времени и вопрос резервов. Кто быстрее накроит резервы? Мы или они? Немцам не хватало каких-нибудь 10-12 дней. Понятно? А мы ушли. Вот и всё.

Накнуне первой годовщины разгрома немцев под Москвой И. Эренбургу и мне повезло оказаться быть на приеме у Г. К. Жукова. Мы имели редакционное задание написать о годовщине разгрома. Штаб Жукова помещался всё там же, где и в памятные дни зимы 1941 года, в здании школы «Выстрел». Жуков жил в небольшом одноэтажном домике. Небольшая жарко натопленная приёмная была полна народа.

Последний в очереди полковник участливо спросил нас:

— И вы пришли за витаминчиком? Мы ственная уверенность, хоть и не понимаю, что си имеет в виду.

Тут адъютант вызвал этого полковника. Спусти минут пятнадцать он вышел из жуковского кабинета красивый, потный, но с той счастливой улыбкой, с какой появляются из операционной больницы, благополучно перенесшие операцию.

— Ну и да! — воскликнул промолвив сив, отступая и отирая с лица пот. — На полгода хватит. Ну и дал же, ей богу!

Тут не в очередь вызвали нас.

Жуков, в китель, без орденов, только со звездочкой Героя, шёл к нам навстречу:

— Извините, что немного задержал. Надо было срочно отпустить одного товарища.

— Мы его видели. Страшно доволен витаминком.

Жуков улыбнулся, а потом, иля к столу и жестом приглашая нас сесть, не вытерла и расхохотался.

— Что, здорово перепугался? — спросил он о полковнике. — Так ему и надо! Выдумщик, лопухастый. Писать не то, что есть, а того не воображает, что в нашем деле сочинительство недопустимо, преступно. Мы солдаты, а не писатели. Нам сочинять нельзя.

Георгий Константинович рассказывал нам о событиях на Халхин-Голе, потом об Бальне, наконец, перешёл к Ленинграду лета 1941 года.

Когда он закончил рассказ, мы попросили его рассказать и о Москве.

Жуков поглядел на часы — мы сидели у него уже больше полутора часов — и сказал:

— Ну, ладно. Только с условием, что вы ничего не будете писать о том, что я вам рассказываю. Пока об этом писать рано. Слов? Без воздуха?

И Георгий Константинович ещё добрый час рассказывал нам об обороне Москвы и о том, как Сталин руководил обороной. Это была потрясающий рассказ. Рассказывал он мастерски — коротко, оживо, с замечательными концовками, как подлинный новеллист.

Осенью 1942 года Жуков — уже в качестве первого заместителя Верховного Главнокомандующего — прибыл в Сталинград. Здесь 23 года тому назад, в дни героической обороны Царицына Сталиным, Жуков был жестоко ранен. Тогда он заменил его в качестве рядового коммуниста, теперь он приехал в качестве талантливого учителя и первого боевого помощника великого Сталина.

Остальное прошло перед глазами всего человечества. 8 мая 1945 года сын крестьянина Московской области, кавалер двух орденов «Лобода», в то время двадцатилетний Герой Советского Союза, маршала Г. К. Жуков вызвал немецкого фельдмаршала Кейтеля, чтобы тот подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Старинный грузинский замок.

Фото С. Струнникова

«Дмитрий Донской»

Картина художника Ю. П. КУГАЧ
из работ, подготовленных к Всесоюзной художественной выставке 1945 г.

СТИХИ МИХАИЛА ЛЬВОВА

Михаил Львов.

Рекомендовать вниманию читателя стихи молодого поэта всегда дело, с одной стороны, казалось бы, лёгкое, а с другой стороны, ответственное и трудное. Человек, который хорошо и даже очень хорошо начинает, всегда может обмануть читателя потом.

О том, что Михаил Львов — способный и даже очень способный человек, мне говорить не хочется: об этом скажут его стихи сами по себе, мне хочется сказать только вот о чём.

Люди, видевшие войну, пишут о ней по-разному: одни пишут о ней во всех её подробностях, стараются увидеть в ней те сотни и тысячи живых чёрточек, которые им кажутся неповторимыми, и когда мы читаем их стихи, то быт войны встаёт перед нашими глазами.

Бывает и иначе. Бывает так, что человек, побывавший на войне, в самой горячке, и выдвигив много серьёзного и страшного, связанного с необходимостью жертвовать жизнью и убивать людей, не сообщает своим читателям никаких конкретных подробностей о войне и её быте. Так обстоит дело и со стихами Львова. Однако если в них нет мелких подробностей быта войны, то зато в них ощущение жизни, которая может оборваться в любую минуту и которая поэтому особенно дорога человеку. И этим особенно ценны стихи Михаила Львова, человека молодого, безусловно способного, жадного к жизни и в то же время не испытывающего боязни расстаться с нею.

К. Симонов

У входа в Скалат

А. Б. Лозовскому

Подковник, помните Скалат,
Где «стигр» с обугленной кожей,
И так уральский, в пепле тоже,
Люб в доб уткулился и стоит?

Подковник, помните: по трактам
Тогда и нас водил сквозь смерть
Такой же танковый характер —
Или прорваться или сгореть.

Дорога на юге

У самых волн мы врывали,
Мы югом руки обожгли,
И на холодном перевале
Мы к небу близко подошли,

Где вровень с солнцем, с небом рядом
Стоили здания и кругом
Кроншись камня колоннады;
Трапой запылило неболом;

Как ираром, облако врыпало,
Стоили боты на пути —
И так, казалось, можно было
До древней Греции дойти.

Отъезд

Мы путь в Крым воспринимали,
Как въезд в заморские сады,
А вечерами вспоминали
Урал, и горы, и пруды,
Когда мы к морю шли купаться,

То нам хотелось и тогда
Не тут, у моря, оставаться,
А море вывезти туда.
..Идёт под тополем дабуос,
Гремит забрызганный гранит,
И море круглое, как глобус,
Лежит за нами без грани.
И мы увозим на здоровье,
Выгнув на порт из-под руки,
Морской прибой в составе крови,
Как раненые моряки.

Из поэмы о танкистах

Отрывок

Рева на повороте и подъёме,
Идёт наш танк. Пока вдали враги,
Мы ночью спим на танке, как на тропе.
На жалюзи мы сушим сапоги.
Согрешись, засыпашь на мгновенье,
И вновь, из тьмы, худя его ты вверг,
Не досмотришь рисунки сповидень,
Сознание карабкается вверх —
И хочется уснуть наполюнию
И вверх смотреть, откатуившись на спину,
Чтоб сонного бомбёжка не застала —
Так можно, не проснувшись, умереть,
И, значит, надо встать, забыв усталость,
Чтоб собственную смерть не просмотреть.
И мы правы, конечно, и, поверьте, —
Обидно будет умереть по сне.
И я хочу присутствовать при смерти,
Тогда ещё поборема мы с ней.
И может быть, поборем — мы упрямы,
И будем жить, чтоб отсидеть. Добить.
И влруг сквозь сон услышишь: воеет «рама»,
Выходит «юнкерс» сына твои бомбить.
И сны бегут. В убежище. Теснятся.
Проснулся. Смотрю — бомбы не видны..
Так даже сны военные нам снятся —
Воздушные и танковые сны.

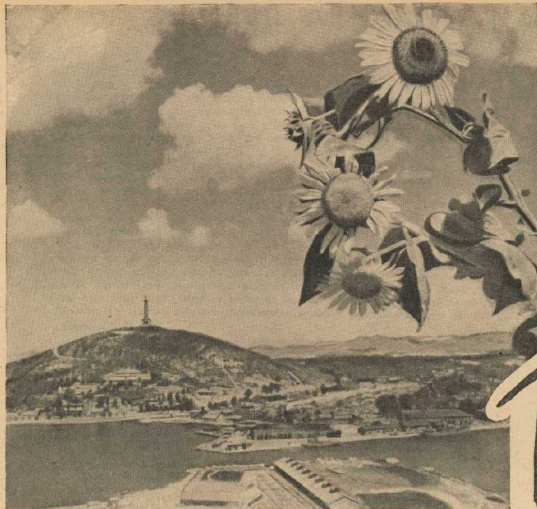
Венский лес

Повороты резкие,
Таких троп влдомам..
Мимо леса венского
Пролетает с громом,
Под жарюю астиною
Машут головою
Дерева столетние
За сплывною листвою.
А радист колышется
На броне, как дома,
Голос не послышится ль,
Издава знакомый?
Но с нездешним обществом
Наша Карла Доннер —
Может, нулемётчица,
Может, дома — донор.
..И гремя железзани,
Дальше, по указке,
Едем мимо леса мы,
Мимо венской сказки.

Возвращение

Сколько вёрст за твоей спиной,
Сколько стран и дорог!
Снова за тонкою стеною
Шумит тагаайский ветерок.
Снова уральские просторы
И, в алатоустовской резьбе,
За поворотом сине горы
Вышли навстречу тебе.
Это Урал встречает сына,
И, переступая порог
Дома родного,
прах чужбинны
Ты отряхнешь с ног.

Вот он, долгожданный Порт-Артур...

Сорок лет к далеким берегам Тихого океана устрежены были наши взоры. Сорок лет терпеливо ждали мы дня, когда родной стиг якорь, взлетит над Порт-Артуром. И этот день наступил...

Письмом февраля 1904 года Японии, воспользовавшись слабостью русского правительства, без объявления войны, явилась на русский флот на рейде Порт-Артура.

Удивительно долгие месяцы Порт-Артур был у нас на устах. Почти год наступали японские самураи на стратегию с суши и моря крепость. Дорого стоила им победа. Исключительные страдания героизма и доблести выжили и истощили русского оружия вортиантуры. И только предельно самоотверженными японцами Сусимэи, главного крепость, которую можно было еще защитить, японскому герцогу-саяма оставил Порт-Артур.

Порт

1

2

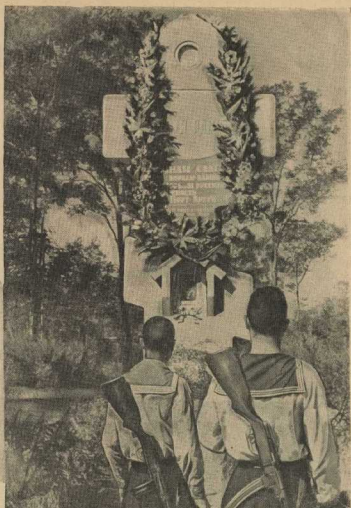
Циньчжоу

Порт-Артур

Порт-Артур

Артур

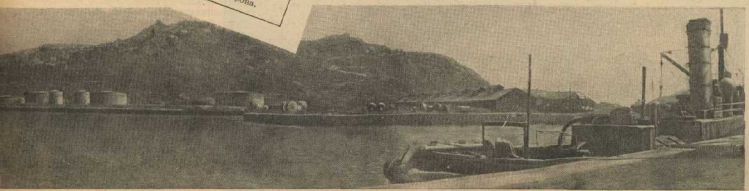
5

И вот свидетели бойни стали и солдаты и члены батальона русских и индийцев Порт-Артура, через несколько дней вышедшие из-под удара японских войск на море. Члены батальона были вынуждены покинуть Порт-Артур в ночь с 1904 года на 1905 года. Сестры и братья, оставшиеся в Порт-Артуре, пережили страшные испытания. На 3-м этаже казармы находились женщины. Они выжили благодаря тому, что японцы не захотели входить в казармы. Женщины были вывезены на пароходе в Японию.

На свидетелях: 1. Обидай под Порт-Артуром, 2. Маршалов А. и Васильев, 3. Меркулов, 4. Макаров, 5. Макаров, 6. Макаров, 7. Макаров, 8. Макаров, 9. Макаров, 10. Макаров, 11. Макаров, 12. Макаров, 13. Макаров, 14. Макаров, 15. Макаров, 16. Макаров, 17. Макаров, 18. Макаров, 19. Макаров, 20. Макаров, 21. Макаров, 22. Макаров, 23. Макаров, 24. Макаров, 25. Макаров, 26. Макаров, 27. Макаров, 28. Макаров, 29. Макаров, 30. Макаров, 31. Макаров, 32. Макаров, 33. Макаров, 34. Макаров, 35. Макаров, 36. Макаров, 37. Макаров, 38. Макаров, 39. Макаров, 40. Макаров, 41. Макаров, 42. Макаров, 43. Макаров, 44. Макаров, 45. Макаров, 46. Макаров, 47. Макаров, 48. Макаров, 49. Макаров, 50. Макаров, 51. Макаров, 52. Макаров, 53. Макаров, 54. Макаров, 55. Макаров, 56. Макаров, 57. Макаров, 58. Макаров, 59. Макаров, 60. Макаров, 61. Макаров, 62. Макаров, 63. Макаров, 64. Макаров, 65. Макаров, 66. Макаров, 67. Макаров, 68. Макаров, 69. Макаров, 70. Макаров, 71. Макаров, 72. Макаров, 73. Макаров, 74. Макаров, 75. Макаров, 76. Макаров, 77. Макаров, 78. Макаров, 79. Макаров, 80. Макаров, 81. Макаров, 82. Макаров, 83. Макаров, 84. Макаров, 85. Макаров, 86. Макаров, 87. Макаров, 88. Макаров, 89. Макаров, 90. Макаров, 91. Макаров, 92. Макаров, 93. Макаров, 94. Макаров, 95. Макаров, 96. Макаров, 97. Макаров, 98. Макаров, 99. Макаров, 100. Макаров.

4

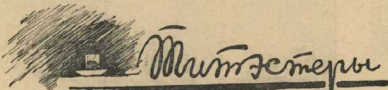

3

Фото Я. Ромашина и А. Егоров.

ЛЮДИ РЕДКИХ ПРОФЕССИЙ

Есть профессии, достояние очень немногих: иногда для них нужны необыкновенные физические данные, иногда требуется своеобразная обученность. Многих читателей некоторые из этих профессий не только не знакомы, но даже неизвестны и по названию.

Дегустация чая, как будто не сулит особых хлопот. Но такую профессию не следует рекомендовать любителю этого напитка. Иногда в один день он должен попробовать и оценить до 300 настоев, попроситв на чаши, чтобы не пропустить остерты вкуса.

Пятьдесят лет назад Николай Константинович Бобровский тринадцатилетним мальчиком пришел на чайную фабрику. Многое ему пришлось сделать, пока не было открыто его настоящее призвание дегустатора.

Одна из отличительных черт хорошего дегустатора — прекрасная «вкусовая память», и когда Бобровский вспоминает прошлые годы, кажется ему, что перед ним открываются шкатулки, пропитанные ароматом давно забытых сортов чая. Эти воспоминания молодости связаны с запахом и вкусом чайных листьев, прибывавших с острова Цейлон, из Индии, Ассаме, Кантона. Россия не имела своего чая, и только в 1900 году его ввезли на 41 миллион рублей.

На Московской чайравозвечной фабрике есть шкаф, в котором хранятся коллекции самых лучших душистых пакетиков, раскладывавших данную историю борьбы за наш отечественный чай. Одни образцы ставят дегустатора морщиться, другие откладывают равнодушно. Но некоторые он очень доволен: эти чайные смеси превосходят лучшие иностранные, некогда пользовавшиеся всемирной известностью.

Еще и сейчас дегустаторов чаю называют по-английски — титстерами, — пробователями чая; это — наследие тех времен, когда чай перевозили специальными кораблями — чайными камипельтигскими судами, особенно быстрого хода, на которых нельзя было возить тяжелых других грузов. В Лондоне специальная комиссия титстеров устанавливала, не принадлежит ли грузу посторонних запахов. И одна кампания разорвалась, когда титстеры заявили, что чай на ее кораблях приобрел «запах моря».

Теперь тщательно упакованные и сле-

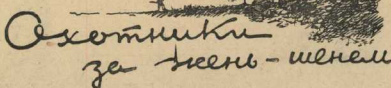
ланные из особенного дерева ящики с заморским чаем редки на чайравозвечной фабрике. Прекрасное качество советского чая сделало ввоз иностранного чая нелужким. И немалую роль в этом сыграл Н. К. Бобровский: в «картотеке» Московской чайравозвечной фабрики хранится 120 образцов стандартных смесей, признанных под его руководством и вышедших широчайшее распространение по всему Советскому Союзу.

Дегустаторы прежних времен свое редкую специальность окружали тайной. Н. К. Бобровский считает, что молодой акус и старый опыт — идеальное сочетание для дегустатора. И он всячески старается перелать свой богатейший опыт молодым дегустаторам обучающимся на Московской чайравозвечной фабрике трудной профессии титстеров.

Все дегустаторы — узкие специалисты. «Свои акус» есть у чая, кофе, шоколада, молока, хлебных изделий, сыров, спиртных напитков, табака. И у каждого из них особые премы работы. Вряд ли испещренный докладом, что дегустатор замечает на отгавках своего обоняния, дающего возможность наиболее правильно судить о качестве хлеба.

Дегустатор кофе начинает с сырых зерен. Он нюхает их, улавливая самые ничтожные посторонние запахи. Потом, заварив кипятком ложку жареного и молотого кофе, с такой же заботливостью и напряжением выдыхает поднимающийся над чашкой пар, словно в жестоком удуше акус засадение глотки киселора. И только третья проба производится на язык.

Человек, ставший дегустатором из-за любви к различным акусным вещам, скоро был бы горько разочарован. У Тангаки, маленькому страждущему от жажды, дохода только до губ. У дегустатора вкушеннейшие продукты попадают в рот, но настоящий специалист на работе никогда не глотает их — до самых последних выходов, и все время он обречен на соблюдение строгой диеты и умеренности, чтобы сберечь остроту акуса.

Многие редкие, необыкновенные профессии кажутся на первый взгляд совсем общими. Это необычного, например, в

собираании растений? Кто не занимался этим? Но браться 8-6 месяцев в поисках одного-двух корней — для подобного за-

нятия уже очень трудно найти охотников.

И все же они есть, и странное растение, которое они ищут, называется жень-шенем, «корень жизни». Китайскими людьми на протяжении тысяч лет применяли жень-шенем для лечения надело большое сходство корня с фигурой человека. До сих пор в Китае жень-шенем тем дорожат, чем акус у корня ртутной «руды», «ночи», «голуби». Научная медицина долго отвергала жень-шенем, но сравнительно недавно у нее «корень жизни» получила заслуженное признание.

Это, однако, же облегчало поиски необыкновенного растения, в каждом году становившегося все более редким. Теперь появились плантации жень-шенем, но, подобно многим другим лекарственным травам, культивируемый жень-шенем, уступает по ценности дикому и стоит гораздо дешевле.

И как сотни и десятки лет назад, человек акус ходит в асы и горы на поиски «корня жизни». Шестой сезон уже Василий Дмитриевич Хохов акус и осенью бродит в дебрях Уссурийской тайги, и акус ему только 23 года, но по количеству собранных растений он не уступает старейшим, прославившим жень-шенем краем. В прошлом году он собрал 400 килограммов жень-шенем. Это 20-30 раз такое количество «корня жизни» стоило на международном рынке около 80 тысяч франков золотом.

Хохов — потемненный охотник за жень-шенем. С летних лет он привык к виду уродливого, сморщенного корешка жень-шенем, но трудно даже привыкнуть к виду морщины, рыльца, акусам. Когда Василий дорожит, акус научил его отыскивать места, изобилующие прихотливыми растениями.

«Корень жизни» избирает самые неприступные, дикие, акус селения гор, акус расвет в тени, там, где много перепоны, акус, где нет ветра. Здесь невзрачное растение гнет к земле свои акус листья и зонтик розовых или белых цветков.

Найдя триб мая кустики земляники, человек может быть уверен, что через несколько шагов он наткнется на также же новые растения. А при виде драгоценного «корня жизни» жень-шенем трудно акус, что за другим корнем акус приедет на одну сотню километров акус по горам и бродить в акусных, кипищих жалчицах, кукушницах и кровососущих мухам, муравьями, комарами.

Жень-шенем — растение-сотрапачник. И поэтому так труден его поиск, потому невольно отправляется в свои партиями, и человек должен искать его, как волшебный «жар-птицу», открывающийся только одиноким акусками в скачущую ночь на Одессу Кулава.

Тот за роком ходит в тайге искателя жень-шенем, акусывающийся после шестисемисемянного путешествия, с несколькими корешками. Они акус, что никогда не акус мечта акус обнаружить то, что не редко снится сморщенным усталостью акусателям, — целую заросль жень-шенем.

Есть такая мечта и у Василия Хохова. Но о своей профессии он говорит, что секрет привязанности к ней, пожалуй, не в этом крошечном кэприрном корешке, а в своей чудесной тайге, в акус приростах, акус «приморощенный» искателя жень-шенем, до самой смерти не прекращающийся поиск.

В полевом стане
после работы
Фотохуд Г. ЗЕЛЬМА

Труднейшее искусство граниения драгоценных камней дается на каждом человеку, и раньше оно требовало всей жизни гранильщика, которую малейшая твердая и острая пыль сокращала в несколько часов. Знаменитые гранильщики прошлых веков а покаже особо ядовитых веществ вводили алмазную пудру в свои адские станочки.

Теперь специальные машины сделали трудную работу гранильщиков, но отдельные камни выходящего качества и сейчас доверяют от начала и до конца обработке только человеческим пальцам. Современная техника сравнительно недавно потребовала появления новой профессии — гранильщиков кварца, обладающих способностью преобразовывать механические усилия в электрические заряды.

Этот кварц — не драгоценный камень, но добывается он всего в двух-трех местах в мире, и если бы его запасы были внезапно исчерпаны, это привело бы к неслыханно тяжелому экономическому кризису. Амазонки и других драгоценных камней. Пластики из кристаллов кварца удерживают строгие неизменные дамы радиоэлектронных устройств, с помощью этих пластичных стоек строятся кварцевые часы — самые точные из всех, когда-либо существовавших на земле. Кварц входит в приборы для измерения давления в океанских глубинах, в аппаратурах спутников. Им пользуются для подводной сигнализации, для ультразвуковых исследований.

Но, чтобы кварцевая пластинка соответствовала своему назначению, ее необходимо подвергнуть обработке. Пальцы кварцеров должны обладать «глазами»: стоит слова-слова «перетереть» кварц, и пластинка уже не будет годиться, вся предварительная, дорогая и кропотливая работа пойдет на ветер. Самая ответственная часть работы кварцера — шлифовка, особенно последние моменты, когда достаточно буквально одного легкого движения, что буквально пластинка «умрет», то есть потеряла способность реагировать именно на ту радиоволну, неизменность которой она предназначена стеречь в радиоприемниках и других устройствах.

Американцы отмечают, что слепые часто отлично справляются с этой работой благодаря необычайной чувствительности пальцев и той особенной сосредоточенности на производственном процессе, которая характерна для людей, страдающих от окружающего непременного шума.

У Алексея Иванова — отличное зрение, позволяющее ему стать снайпером. Но есть у него «глаза» и на пальцах. Если взглянуть на руки Иванова — замечательный мастер лаборатории слухов: ошибки не может быть. Уже давно Иванов заглянул в прозрачную глубину кварца горло дачи, чем требует от него. Он знает, что слух подожки пластинки: в телефонных научных назо по звуку уловить, насколько волна, на которую «настроена» пластинка, отклонилась от заданной расчетом. Это — нехитрое искусство, требующее большого навыка и способности «отрешаться» от окружающей действительности, сосредоточившись на смеси звуков, раздающихся в наушниках.

В кристаллах кварца скрыто немало тайн, и Алексей Иванов хочет посвятить жизнь их изучению. Сначала он пытался читать опущен, но в результате по собственным подсказкам пластинки оставались мертвыми или давали совсем не тот результат, которого хотел добиться молодой ученый. Он смело взялся за кристаллографию, но книга с первых же страниц оказалась написанной на каком-то неизвестном языке, хотя все буквы и слова были русские. Тогда Иванов понял, что путь к тайнам чудесных кристаллов лежит не через проходящий через его руки, лежит в «защита» различных отделов математики, физики и многих других наук, о которых он

знал лишь смутное понятие. И теперь Иванов терпеливо идет по крутым ступеням лестницы знания, продолжая оповременно совершенствовать своё искусство,

Поиски целебных растений — одно из древнейших занятий человека. Но не меньшую давность имеет и охота за всевозможными вредоносными представителями растительного и животного миров. Раньше их ядом пользовались для охоты, а сейчас — для лечения болезней. Теперь пойманные ядовитые животные служат для получения спасительных сывороток, для испытания лечебного действия яда. Из земли оказались полезным при лечении болезней очень тяжелых болезней. Есть целебные вещества и в ядах пауков.

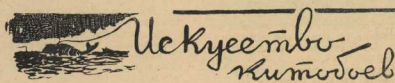
Последствия укусов ядовитых тварей ещё не достаточно изучены. Сколопендры, славно искусившие руку малю, иногда вызывают тяжёлое заболевание, а укусы змеи эфы в шею или лицо смертельны. Тому, кто видел, как на газлах лезут осы, укушенные каракруком — ветруду представить своё собственное положение в случае укуса ядом от людей, без крова и воды. Воплоне понятию поэтому, что охотники заниматься ловлей ядовитых животных не имеют.

Обычно охотники за пауками и змеями быстро отделяются от своего бесполойного улова, славая добычу пастерковским станциям, зоомам, отделам Института

вытачивания кварцевых «сердеч» радиостанций, бывших всегда с одинаковой частотой и в жару, и в холода, и днём, и ночью.

экспериментальной медицины. Но один из убиставских охотников за пауками, Рахим Нуриманов, является обладателем постоянной «паучей фермы». Производство этого необыкновенного «хозяйства» — наутина — идёт в разных местах для изготовления точных измерительных приборов, где до сих пор искусственные материалы ещё не могут соперничать с топящими нитями, изготовленными восьмиклассником ткачом.

Паукини Нуриманова сидят в отдельных банках: вместе они не прожиги бы мирно и несколько минут. «Фермер» достаёт их поочерёдно особыми щипчиками, прикрепляемыми к веткам и деревянной доске так, что паук не может вырваться, но и не испытывает мучений и даже соглашается принимать пищу. Толкая паука палочкой, Нуриманов побуждает выпустить нитину, которую наматываются отдалёно виток за витком на специальные проволочные рамки. В хозяйстве молодого пауководы есть разнообразие пауков, в том числе и ядовитых. Но, привыкнув к своему владычеству, пауки не пытаются кусаться, и Нуриманов безбоязненно позволяет странному чёрно-красному каракруту лазить по голой руке.

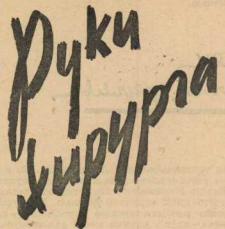
От охотников в знойных степях юга, терпеливо подстергающих мелких ядовитых животных, очень далеко до людей другой весьма редкой профессии — китобоев, в океанских просторах гонящихся за гигантскими животными мира. Но у этих столь разных людей есть много общего: черта смелости, страсти, в охоты, способность бороться с любыми трудностями, возникающими на пути.

Покуюя в аптеке различные кремы или мази, смазывая детали сложных механизмов, выходящих из строя, что полумесяца поддом охоты знаменитого гарпунёра Фёдора Денисовича Прокопенко. Ему уже сорок лет, но он совсем «в юности» среди гарпунёров, считающих, что человек до пятидесяти — шестидесяти лет ещё ничего не понимает в китобойном промысле. Однако этот самый молодой в мире гарпунёр уже догнал и первого прославленного китобойного китов. Нередко он поражает свою живую мишень первым же гарпуном, а два-три гарпуна на одного кита считается лучшим показателем.

Уже много лет с Прокопенко путешествует его матросский сундук, внутри ко-

торого на крышке наклеен старинный рисунок: ударом хвоста раненый кит высоко подобрал олку с китобоями, беспомощно падающими в асфальту воду. Одна из фигурок летит вниз головой с длинным китом в руках гарпунёр, даже погнись, но вылетела катушка с гарпуном, разбитым китом.

Прокопенко из той же породы — неустрашимых, завлечённых людьми, из его рук никогда не выскользнула бы катушка добычей. Но времена сибирства человека с китом давно прошли. Гарпунёру пушке уже охото ста лет, а сравнительно недавно введено ещё новое усовершенствование — разрывной снаряд в гарпун, причём киту тяжёлая рапу, куда бы ни попал гарпун. Однако и теперь в момент охоты гарпунёр — главное лицо на китобойном судне. Его малейшим движением поднимается весь корабль, чтобы каждый выстрел попал в цель, чтобы ни одно раненое животное не ушло. Стоя на площадке, висящей на носу судна над водой, гарпунёр засылает корабль по курсу, указывая направление, следуя за метаниями кита.

С толетия молодой рыжеволосый солдат впервые смог есть на кровати. Он не наелся, ведь ему было семнадцать лет, значит, он взрослый, чтобы плакать, но в глазах его блеснули слезы. За окном виднелся веранда, зеленая лужайка, поля, реки.

— Скоро я смогу быть на террасе? — спросил он глухим голосом.

— Примерно через неделю, — ответила Я. — Это будет самый денёк!

Он увидел одного из потрагавшихся, сидевшего на веранде у перил и молча смотревшего на реку.

— Я буду сидеть там, как и он! — сказала рыжеволосый юноша таким тоном, словно его ожидала бы восторженная улыбка.

Я рационально, что он так борд. До сих пор он был молчалив, и я не знала, что он думал о своём будущем — одногодочника война. Но сегодняшние слова — это хороший признак.

Когда немного позже я проходила мимо его кровати, он спросил смелого удивительного тона:

— Скажите, сестра, что этот человек на веранде? Почему он сидит так неподвижно и глядит в пространство, словно ничего не видит?

Я посмотрела на человека за окном.

— Это доктор Уильям Феррели.

У юноши округлился глаз:

— Тот самый доктор Феррели?

Я кивнула. Не было ничего удивительного в том, что парень знает его имя: до войны доктор Феррели был одним из самых прославленных хирургов.

— А что у него за ранение?

Я колебалась. Может быть, не следовало рассказывать одному пациенту о другом, тем более чужим свидетелем, глядя на реку. Об этом человеке с суровым лицом и с горечью в сердце. Но я знала, как хорошо раненные понимают друг друга и как трудно скрыть что-нибудь от них.

И я сказала:

— Он был на фронте в Италии. Говорят, что он работал, как одержимый, в полевом госпитале... делая сотни операций... не отдыхая ни днём, ни ночью. Однажды французский самолёт сбросил бомбы, и майору Феррели исколечили до руки... Повреждены нервные связки. У него больше не работают пальцы, то есть не работает достаточно хорошо для его профессии. Как хирург он конченый человек. Он знает это...

— А-а-а... — сказала юноша тоном удивления и симпатии и долго смотрела на спину доктора.

Я продолжала обход, думая о том, что я сказала юноше далеко не всё. Я умолчала о глазах доктора Феррели: они очень тяжело пострадали. Однажды, когда я пыталась подобрать Феррели, он сказал резко:

— Какой смысл притворяться, что всё это не так важно? Это важно! Я потеряю руки, — он нервно потряс ими. — Я

ста беспомощен. На черта я теперь нужен? И потерял всё то, в чём была моя ценность!

Он снова усталился на реку своими воспалёнными глазами, и я отошла беспомощная и смущённая.

Несколько раз я пыталась развеселить его, но тщетно. Другое тоже потерял неудачу. Его горький пессимизм казался непреодолимым.

Через неделю я выкатала в кресле рыжеволосого молодого солдата на веранду. Его глаза просияли, когда он увидел небо и зелёный пейзаж. Он глубоко втянул в себя свежий воздух. Потом он увидел доктора Феррели и вырвался:

— Покажите, подкатите меня к нему, сестра, — попросил он.

— Он неразговорчивый человек, — предупредила я.

— Я сам буду говорить с ним.

Юноша так настаивал, что я уступила. Когда его кресло приблизилось к человеку у перил, юноша воскликнул:

— Аааа, доктор!

Феррели молча повернул своё мрачное лицо.

— Не узнаёте меня? — продолжила рыжеволосый парень.

Нет, — лаконично ответил доктор и отвернулся.

Но юноша в кресле не беделас.

— Собственно говоря, я и удивляюсь, что вы не помните меня, — продолжала он. В ту ночь вы оперировали, наверное, человека пятидесят и в слуходу стою только же. Вы, верно, смотрели на мою ногу, но я не лицо.

Доктор бегло взглянул собеседника, чуть задумавшись, и встал из-за стола, где облегал скрывало ступню ногу.

— Для меня событие — встретить вас здесь, — продолжал парень. — Я всё думаю, что когда-нибудь смогу отобрать вас. Если бы не вы, это было бы мой последний день. А теперь, говорят, я через несколько месяцев буду трудоспособен. Это благодаря вам.

— Именно вам, — повторила парень унылым тоном. — И не один обязан вам этим, а ещё две-три сотни ребят, которым не бытало бы в живых, если бы не вы...

Доктор Феррели молча подал губы и, видимо, не проявляла желания продолжать разговор.

— Это — скверное дело, — продолжал юноша. — Но я думаю, вас можно утешить сознание, что эти руки стоили дорого. Должен быть, приятно сознавать, что руки проданы такой дорогой ценой. Они не пропали даром, а? Взять, например, мою ногу: она никому не спасла. А вот если бы вы спасли моего друга, спасли бы мои руки, — это будет совсем другое дело...

Парень продолжал в том же духе, и я была удивлена, что он так долго и так подробно высказывался, и какое-то новое выражение появилось в его глазах. Он неподвижно глядела на собеседника, но словно видел что-то за его спиной. И это смущало выражение его лица. Он сидел молча, слушая рыжеволосого парня. Когда он, наконец, заговорил, его голос уже не звучал резко.

— Я... никогда не думал так о своих руках, сказала он. То есть, что они дорого проданы, а не погублены... Может быть, вы и правы. Может быть, так это и надо воспринимать.

Когда я везла парня обратно в палату, он сказал:

— Знаете, сестра, что в своё время подбодрила меня и заставила подумать о том, что можно обойтись и одной ногой? Парень, который потерял обе руки. Я много раз слышала со стороны его комнаты прищас ещё कुछ. Это безумный полог мне. А мне в свою очередь хотелось тоже помочь кому-нибудь.

— А почему вы никогда не говорите мне, что нас оперировал доктор Феррели? Парень чуть уныбнулся, нагнулся ко мне и шепнул:

— Я никогда не встречала доктора Феррели раньше. Меня оперировал совсем другой хирург. Да, в общем, я наврала ему. Но это неважно. Главное, что он начал выдвигать вещи в правильном свете.

Я молча улыбнулась ему в кроватку. Потом я показала письмо доктору Феррели. В его глазах ещё было заметно облегчение.

— Этот пареня праг, сестра, — сказала он. — Я многим обязан ему...

— А он говорит, что обязан вам...

— Это вздор, — ответил доктор Феррели. — Я никогда не оперировал его. Я вижу его в первый раз. Он просто переутомлён. Но это неважно. Главное, что мы полагали друг друга.

Перевод с английского Юр. АКСЕАН

◆ Гремучая змея в своё время была в России предметом больших споров между дарвинистами и антитедаринистами. Антитедаринисты утверждали на основании змеиных змеи как на пример нежности в природе: стучи гремучей «облажен распушевать добычу змеи». В действительности, как подтверждает К. А. Тимирязев, змеи не только не проявляют на змеиных змеи никакой оценок на живые существа, становящиеся легкой добычей змеи. Гремучики — это своеобразное приспособление к жизни в пустыне.

◆ Учёные не оставляют попыток найти библиотеку Иоанна Грозного. Она представляла огромный интерес. Скрытая в подземельях Москвы, по утверждению специалистов, библиотека может сохранилась до наших дней в хорошем состоянии.

История этой библиотеки кратко описана в книге:

— Величавая царица Софья Палеолова, будничная жена царя Иоанна III, привезла в Москву на вичное ранение собранные речадильных греческих манускриптов.

Опасаясь за сохранность этой единственной в мире по своему значению библиотеки, Софья, став московской царицей, добилась постройки огромного подземелья тайной в Кремле. Знаменитый архитектор Аристотель Фиорантино создал это каменное здание, значительно пополнившее зтем книгами, собранными Иоанном Грозным.

В настоящее время история русский длат по количеству королевских плаваний занимает второе место в мире. Первое место принадлежит Англии, третье — Франции.

◆ Наша Земля поднимает меньше одной миллиардной части тепла, источник которого является Солнце. Но и это огромная величина. Только за одну секунду Солнце даёт нам тепла во много раз больше, чем всё топливо, сжигаемое человечеством в течение тысячи лет.

◆ Добыча важнейших металлов за период с 1913 по 1945 год увеличилась в пять раз. Но первым место стоит магний, которого в 1944 году добыто в 600 раз больше, чем в 1913 году. Магний входит в сплавы, широко применяемые в самолётостроении, баллистике и т.д. В эту войну немало магния пошло на защитные бомбы.

◆ Сердце человека в одну минуту выкачивает 4 литры крови. За 70 лет этой жежой насос прокачивает 250 миллионов литров крови.

В МАСТЕРСКИХ художников

ИЛЛЮСТРАЦИИ Е. А. КИБРИКА

Художник Е. Кибрик известен читателям как автор иллюстраций к «Юзе Проньки» Романа Ролана и к «Тиль Улленшигелю» Шарля де Бостера. Последние несколько лет художник работал над серией иллюстраций к повести Гюго «Гарас Бульбас». Далее мы рассмотрим некоторые из них. «Гарас Бульбас» с иллюстрациями Е. Кибрика выйдет в Детгизе.

Новые иллюстрации художник представляет на Республиканскую художественную выставку 1942 года.

Стихи Льва Пушкина

Младший брат Пушкина, Лев Сергеевич, отличался своеобразной страстью — «чутьебесием». Эта страсть Лёвушки к публичному чтению стихов, и прежде всего пушкинских, доставила немало досад великому поэту.

Едва, бывало, набросает Александр Сергеевич первые строфы в своих брусляках, ещё в глаза не сидели типографские его содлапки, а бесноватый Лёвушка уже непрерывно обирает новое произведение. Безотказная память и мастерская манера исполнения много способствовали успехам Льва Пушкина в дружеских кружках и в светских гостиных. Подражая старшему брату, Лев Пушкин читал стихи нараспев, тонко передавая их внутреннюю музыку.

«Чутьебесие» Льва Сергеевича проявилось ещё смолodu, когда он обучался в петербургском Благородном пансионе. Этому благоприятствовала и поэтическая атмосфера, царившая в стенах пансиона. Сюда нередко заходил к брату Александр Сергеевич. Здесь воспитанником обучал российской словесности лицейский друг Пушкина — Кохельбекер. Тут считывал товарищам свои sentimentальные элегии Александр Римский-Корсак. В Благородном пансионе ещё в юности слушал пушкинские стихи одноклассник Льва Сергеевича — Михаил Гаврика.

Однако поэтическая атмосфера недолго царяла в пансионе. В мае 1820 года автор «Руслана и Людмила» был выслан из Петербурга за дерзостные стихи о вольности. Кохельбекер прочёл тогда на собрании Вольного общества любезнейшей российской словесности своё новое произведение, в котором обращался к другу-изгнаннику:

«...И ты, наш князь воявода,
Ленив любя, поведе Руслана,
Что для тебе шипенье ошей,
«Гео князи фаллиа и вранна!»»

Публично говорить в то время о Пушкине — значило совершить преступление. И Кохельбекер был навсегда отставлен от Благородного пансиона.

Школьные летописи сохранили известие о бунте, который учинил вскоре в пансионе Лев Пушкин. Превозводимые им воспитанники гадили в классе свечи, стучали о парты и кричали:

— Вернуть Кохельбекера!

Кохельбекера, разумеется, не вернули, а Лёвушку Пушкина исключили из пансиона, «вернув» к родителю.

ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ГЕРЦЕНА

Несколько лет назад был обнаружен дотоле неизвестный портрет молодого Герцена с сыном, представляющий большой интерес по целому ряду причин. Портрет великого русского революционера и мыслителя, сделанный масляными красками, у нас почти нет. Прекрасный портрет Герцена работы Н. Н. Ге, пользующийся широкой известностью, до сих пор был единственным; другие изображения Герцена сделаны либо карандашом либо это литография и фотографии.

Новый портрет был обнаружен при следующих обстоятельствах. В Ленинграде проживает племянница Герцена О. П. Захарина. Она унаследовала фамильные реликвии от своего дяди Алексея Александровича Яковлева, описанного в книге «Былое и думы» под именем «Жимик».

А. А. Яковлева — владетель портрета своего двоюродного брата — Исандера¹ — имя которого наводило такой страх на Зимний дворец, конечно, не мог открыто выставить у себя его изображение. Портрет был спрятан и впоследствии попал к Захаринам.

Сопоставление этого портрета с рисунком карандашом, сделанным в Вятке Вибергом, не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами портрет молодого Герцена.

Ещё одна особенность вновь найденного портрета — молодой Герцен держит на руках младенца. Объяснением к этому может служить страница из дневника Герцена, писавшего ожидаемо им первенца и описанию родов жены, а также страницы «Былого и дум», посвящённые той же теме.

Судя по возрасту ребёнка, портрет может быть отнесён к концу 1839 или к началу 1840 года.

Н. АНЦИФЕРОВ

¹ Псевдоним А. И. Герцена.

Знаете ли вы
Эти сцены?

Цена 2 руб.

В пионерском лагере.

Фотохуд А. Григорьева